Аритмия

Накатила аритмия. Чем ты, сердце, недовольно?
Выбиваешься из ритма. Видно, хочешь мне сказать,
что мой век достиг предела, призываешь к предкам в Вильно?
Скоро август. Там и осень… Налеталась стрекоза.

Хоть мой век весьма почтенный, я ещё не налеталась.
Я ещё не станцевала роковой осенний вальс.
Вот расправлюсь с аритмией, прогоню взашей усталость
и хореем или ямбом напишу стихи для вас.

В нашей жизни всё ритмично — от секунды до столетья.
И магическое время, разыграв по нотам блюз,
уничтожит аритмию резким, жёстким взмахом плети.
Я ко времени взываю, жду, надеюсь и молюсь…

• • •

Пришла весна. Ей вирус — не помеха.
Она, как прежде, радостно цветёт.
Смеётся Солнце. Давится от смеха.
Не тронут облаками небосвод.

Природа, я тебя боготворила,
фанаткой верною твоей была.
А ты нам щедрою рукой дарила
то россыпи добра, то щебень зла.

Одной страны тебе отныне мало.
Решила в прах весь мир ты превратить.
Уйми своё тлетворное начало
и побори губительную прыть.

Дай задышать нам полной грудью снова.
И маскарад печальный обнули,
чтоб, не страшась друзей, как язв Иова,
мы без перчаток руки жать могли.

• • •

Пруды на Пресне. Юности порог.
Настроить линзы в памяти-бинокле,
чтоб разглядеть туманности тревог
среди созвездий. Ливень. Мы промокли,
под деревом спасаясь. Ты не смог
меня согреть дрожащими руками,
мой верный рыцарь! Память душит смог
десятилетий. Но и время, маг
всесильный, не перечеркнёт мазками
то ретро: робость рук твоих и дождь…

• • •

Время — недруг: мы стареем.
От зари до темноты.
Повитали в эмпиреях
и сорвались с высоты.

Отлюбили, отгорели.
То женитьба, то развод.
Во дворце росли, в норе ли —
жизнь одна, один исход.

Расплодились многодетно
иль родили одного,
в шёлк ли, в рубище одеты —
то не значит ничего.

Все равны пред высью Неба:
поп, раввин, король и раб.
Не закинуть в небо невод.
Не поймать созвездье Рыб.

• • •

Мои ровесники уходят
в миры иных планет.
Мы — карты битые. В колоде
нам места больше нет.

Когда-то были козырными:
туз, дама и король.
Не обольщайтесь! Наше имя —
для будущего — ноль.

Грядёт другое поколенье —
хозяева земли.
Атлантика — им по колено.
И холмиком — Олимп.

Они накроют, как цунами,
нас быстро и легко.
И всласть потешатся над нами:
«Сбор старых дураков».

Всё повторяется по новой.
Мы в юности точь-в-точь
над предками смеялись вдоволь
и убегали прочь…

Я давно у тебя не была.
Между нами — мосты и дороги.
И дела, каждый день дела
Неотложные — видят боги!

Между нами — снегов полотно,
ураганы, торнадо и штормы.
Между нами — глухое окно,
где навеки задёрнуты шторы.

Между нами — граница миров
на крутом, роковом косогоре.
Я приду к тебе на Покров.
Или завтра. Ну, словом, вскоре.

Все заботы перечеркну.
Ты — моё неотложное дело.
И к холодному камню прильну.
«Вот несчастная, очумела!

Встань, простудишься! — пробурчит
могильщик, старик-бедолага. —
Вишь, на юг улетают грачи», —
и откроет заветную флягу.

Объятья тесные твои
тогда казались кандалами.
Смерть их отбросила. Ну и,
свободная, машу крылами.
Но не взлететь, не воспарить.
Канатно привязала нить
к твоим рукам, что знали толк
в алхимии прикосновений
и пробудили кровоток,
погнав его по сонным венам.

Как безвозвратно мне милы
те ласковые кандалы…

Я забываю, забываю
дрожь от касаний твоих рук.
И в память гвозди забиваю
ударами бессильных строк.

Я забываю, забываю
тех лет зыбучие пески.
Верёвкой горе завиваю,
вяжу на память узелки.

Я забываю, забываю.
Тонка воспоминаний нить.
Женою Лота застываю.
И не могу забыть.

Мы нынче все упрятались в футляры.
Перчатки, маски, тёмные очки
и шляпы. Не шуты и не фигляры.
В игре за выживанье игроки.

Прохожих мы обходим стороною.
Ни «здрасьте», ни «привет» и ни «пока».
Отделены невидимой стеною
на расстоянии ковид-плевка.

Июль, жара. «В зобу дыханье спёрло».
Так хочется, отбросив камуфляж,
вдохнуть во всё дыхательное горло
и, как в былые дни, рвануть на пляж!

Всё то, что было попросту рутиной,
к чему привыкла я за сорок лет,
отныне — лишь музейная картина.
И слишком дорог в тот музей билет…

Мы смертны. Не страшись конца, поэт!
От неизбежности спасенья нет.
Колен дрожанье на краю карниза
уйми. Проникнись мудростью Гафиза.

Взгляни на град в полу́ночных огнях
и вспомни лет прошедших переливы.
Не так уж мало было дней счастливых.
Возрадуйся и думай лишь о них.

Ты был избранник, баловень судьбы.
Слагать стихи и трепетать крылами
в полёте — то не всякому дано.
И коль пришла пора уйти на дно,
быть может, выстлано оно
подводно-дивными цветами…

Пирует, царствуя, июль.
Жара сжигает всё подряд.
Стрижёт безжалостно под нуль
листву, лишая тени сад.

Ни зонт, ни шляпа не спасёт.
И голова раскалена.
Плутает мысль, минуя вход.
И ждёт какого-то рожна.

Июль, уйми свой жар и пыл!
Пошли спасенье ветерка!
Изнемогаю. Нету сил.
И вянет, как цветок, строка…